
В.Н.Тарасевич, д-р экон. наук
Национальная металлургическая академия Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ: ОТ ПРОТОИНСТИТУТОВ – К ИНСТИТУТАМ

В статье представлены результаты исследований неолитической институциональной революции и некоторые связанные с этим выводы для современной практики институтообразования.

В настоящей статье продолжается начатое ранее рассмотрение проблематики институциональной эволюции¹. Внимание концентрируется на исторической трансформации протоинститутов в институты.

Вводные замечания

На историческом тренде институциональной эволюции эпоха господства протожизнедеятельности и протоинститутов обнимает период в десятки тысяч лет между эпохой господства собственно поведения и инстинктов и началом эпохи доминирования жизнедеятельности и институтов (см. рисунок). Содержанием протоинституциональной эпохи является усложнение протоинститутов, относительное укрепление их прединституциональной и ослабление метаинстинктивной составляющей. К примеру, в культе и ритуале степень доминирования последней значительно превышает оную в обычае и традиции. Точно так же у кроманьонца в конце палеолита динамизм первой значительно превосходит оный у австралопитека. В более фундаментальном плане рассматриваемая эпоха завершает процесс рождения современного человека.

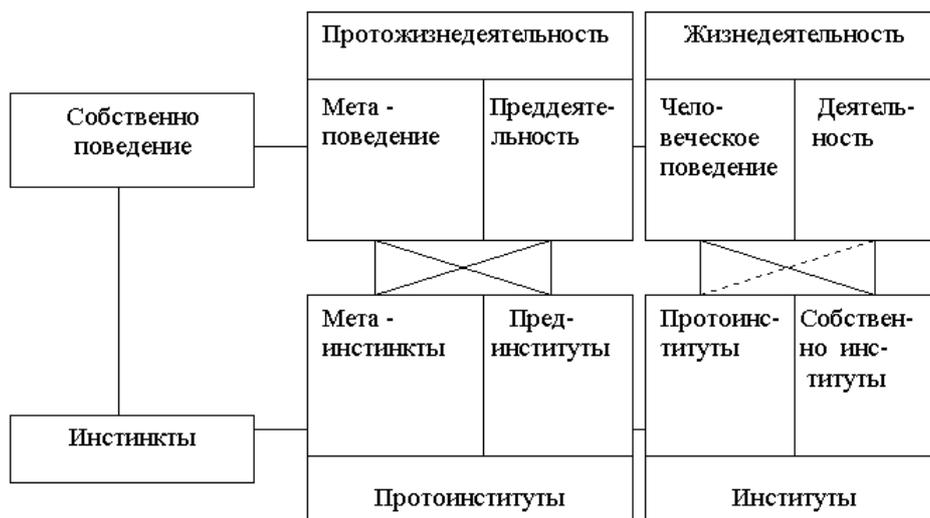
Совершенно очевидно, что человек рождается не внезапно. Не менее длителен и процесс его самоидентификации. Углубляясь в себя, он иногда бывает ослеплен вспышками озарений, принимая каждую из них за собственную первичную сущность и коренное отличие от своего животного предка. Человека действительно выделяют из царства животных специфические морфоанатомические и физиологические свойства, психофизиологические и нейродинамические реакции, психоэмоциональные качества, относительное освобождение от жесткости инстинкта, предпочтение выбора и свободы, разум, отвлеченное мышление, рациональность, понимание подразумеваемого, способность трансляции на основе знаков, источников, документов, воспоминания о прошлом, "внутри себя и для себя бытие" (М.Шелер), саморефлексия как самосознание и самопознание, сознательная целенаправленная деятельность, творчество и творческое воображение, мораль. Вероятно, сей перечень бесконечен так же, как бесконечен и сам человек. Но это в значительной мере сокрытое многообразие в *едином* предстает в тех или иных видимых формах, а потому может быть выражено в более обобщенном виде.

Ясно, что человека от животного отличает не столько каждая из открытых или еще сокрытых его особых черт, не столько их простой перечень, даже "выстроенный по ранжиру", сколько их синергия, сплав, самооргани-

---

¹ См.: Тарасевич В.Н. Институциональная эволюция: от инстинктов к протоинститутам // Экономическая теория. – 2005. – № 1. – С. 51–66.

зующаяся и саморазвивающаяся сверхсложная человекообразная система. Человек действительно суть космобиосоциальное существо, которое конституирует не простое наличие космической, биологической и общественной (экономической, социальной, духовной и политической) составляющих, а их пока еще во многом сокрытое взаимодействие, рождающее единство.

Рисунок. Модель институциональной эволюции

Было бы наивно предполагать, что человека отличает только сознательное начало. Таковое присутствует уже у высших млекопитающих. Человека действительно отличает способность к саморефлексии. Однако не следует думать, что это возможно вне мощного фундамента бес- и подсознательного. Человека отличает деятельность как опредмечивание и самоочеловечивание. Но она не может протекать иначе, как в контексте поведенческих актов. Человека отличают рукотворные институты. Но вряд ли их появление и существование возможно вне метаинстинктов, прединститутов и протоинститутов.

Человек суть средоточие прошлого, настоящего и будущего, неживого и живого, досознательного, бес-, подсознательного и сознательного, поведенческого и деятельностного, инстинктивного, протоинституционального и собственно институционального начал. В *характере и содержании* этого средоточия суть он сам и его тайна. В смысле таинства человек во многом все еще суть в себе, а не для себя, а потому – не совсем человек, *человек очеловечивающийся*.

В контексте институциональной эволюции завершение процесса рождения современного человека неразрывно связано с систематическим сознательным творением им самим способов и механизмов упорядочения собственной жизнедеятельности, утверждением институциональной деятельности. На мой взгляд, этому предшествует весьма длительный период постепенного осознания протоинститутов и их *сознательного* изменения.

Протоинституты преднеолита

Усложнение условий и постепенная индивидуализация охоты, прежде всего на средних и мелких животных, начало их одомашнивания, появление лука и стрел, многочисленных микролитов, углубление специализации орудий труда теперь уже как доминирующих рабочих органов человека, освоение все менее благоприятных территорий, постепенный переход многих общин к

сезонно-оседлому образу жизни, от кровнородственной к соседской общине, утверждение патриархата сопровождались кардинальными сдвигами в протожизнедеятельности и протоинститутах.

Преддеятельность становится все более регулярной, систематичной, осознанной и разделенной, начинает развиваться на собственной – не инстинктивной или метаинстинктивной – основе и в этом смысле рождает *деятельность*. В то же время в метаповедении происходит дальнейшее усложнение бессознательных инстинктивных реакций, более значимым становится чувственное сознательное и соответствующее ему подсознательное начало. Это означает появление *человеческого* поведения. В меру указанных изменений протожизнедеятельность трансформируется в *жизнедеятельность*. В ряду условий и предметов последней все более заметное место начинает занимать искусственная, рукотворная природа. По-прежнему основная масса орудий изготавливается из предметов природы, но уже систематическим становится применение искусственных орудий.

Растущая вследствие применения более совершенных и специализированных орудий производительность труда² делает возможной постепенную трансформацию поочередного использования части общинных земель и скота большими семьями в так называемую *обособленную собственность*, которая "...состоит в *преимущественном* отношении к данным скоту или земле (средствам производства) как к своим со стороны членов данного домохозяйства и в *косвенном* отношении к ним как своим всех остальных домохозяйств общины"³. Очевидно, распоряжение средствами производства остается за общиной, а пользование и владение значительной их частью становится прерогативой больших семей. Сфера *индивидуального* присвоения как полного соприсвоения каждым членом общности коллективных объектов постепенно сужается, сфера же *личного* присвоения расширяется в меру развития сущностных человеческих сил (СЧС) и орудий труда.

Вместе с усложнением разделения деятельности и присвоения, все менее спорадическим получением прибавочного продукта усложняются и формы обмена. Регулярным становится не только непосредственный, но и так называемый *позапный* обмен между рядом общин как важнейшая форма экономических связей между общинами, непосредственно не соприкасающимися друг с другом. Он состоит в передаче по цепочке того или иного предмета от места его производства к месту потребления, причем такие цепочки могли охватывать большие районы. Например, морские раковины, добывавшиеся на северо-восточном побережье Австралии, переходя из рук в руки, путем поэтапного обмена доходили до Центральной Австралии и даже до южного ее побережья⁴.

На фоне рассмотренных изменений более определенным становится институциональный контекст трансформации преддеятельности в деятельность. В процессе создания более совершенных орудий удлиняющиеся и усложняющиеся паттерны как цепочки целенаправленных действий становятся преобладающими и, безусловно, ведущими по отношению к поведенческим реакциям. Растущему многообразию орудий соответствует многообразие паттернов, начало выделения в них общих, особых и единичных, уникальных составляющих (ясно, что досознательная психика на это не способна; вполне

² Здесь и далее труд рассматривается как опредмечивающая деятельность.

³ Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (Политико-экономические очерки). – М., 1985. – С. 133–134.

⁴ См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство (Политико-экономические очерки). – М., 1981. – С. 232–233.

вероятно и бессилие чувственного сознательного). Невербальные способы их усвоения и трансляции дополняются вербальными. Паттерны всегда "угасают", запечатлеваются в результате протожизнедеятельности – в начале, жизнедеятельности – затем: опредмечиваются в продукте (орудиях труда, предметах потребления) и/или очеловечиваются в человеке, а ранее – в его предке, но только в рассматриваемый период институциональной эволюции человек научается их "прочитывать", распрепредмечивать.

Очевидно, что возникновение этой уникальной способности осознавать характер, содержание и последовательность действий творца (изготовителя) "обязано" существенным изменениям паттернов, которые стимулировали развитие в начале простейших мыслительных операций (например, сравнение различных паттернов и составляющих их действий, операций), а затем – и все более сложных. Видимо, начинается осознание таких общих для всех паттернов структурных элементов, как содержание, условия, субъект, характер, санкции, гарант⁵, хотя таковому еще далеко до системности.

Под влиянием осознаваемой и осознанно развиваемой деятельности несколько по-иному начинают восприниматься и элементы протоинституциональной универсумики. Утверждается доминирование *традиции* по отношению к табу, культуре, обычаю, причём традиции как не просто *особой реальностью*, равноценной особости перечисленных феноменов, а некоего *общего* последних в полном соответствии с развитием протоинститутов на собственной основе, а также с достигнутым к этому времени уровнем абстрактного мышления и зачатков духовной деятельности. Преодолевая локальность и автаркичность культа, ритуала, обычая, традиция обеспечивает не только духовную общность расширяющейся территориальной общины, ее самоидентификацию в ряду иных общин, но и *упорядочивает*, опосредствует практически всю ее жизнедеятельность⁶. Поэтому впечатляющий перечень функций традиции – фиксирующая, регламентирующая, запрещающая, интегрирующая, информационная, коммуникативная, эвокативная, фасцинации⁷ – не может считаться исчерпывающим.

Итак, традиция всеобща и мультифункциональна. Даже паттерны, бурному прогрессу которых традиция обязана своим возвышением, родившись, не могли продолжить свое существование, не будучи освященными ею. Впрочем, и само их рождение, вероятно, требовало освящения. Как заметил В.Петров-Стромский: "Человек рождается и живет в смысле, от которого производна любая целесообразность. Поэтому как изобретение, так и технологическая эволюция, например, каменного ножа или топора, совершаются прежде всего в системе целостного ритуально-мифологического смысла жизни, в котором находят свое место – целесообразное этому смыслу – и еда, и охота, и "быт". Абсолютное преобладание в любом материальном орудии социально-знаковой функции делало его прежде всего и даже главным образом мировоззренческим инструментом, к которому неприменимы критерии предметной технологической орудийности, ориентированной на внешнюю целесообразность"⁸.

⁵ Подробнее см.: Тамбовцев В.Л. О разнообразии форм описания институтов // Общественные науки и современность. – 2004. – № 2. – С. 108–109.

⁶ Традиция обеспечивает реализацию в тех или иных формах практически всех составляющих упорядочения и, прежде всего, блоков функционирования, ограничения, коммуникации.

⁷ См.: Плахов В.Д. Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. – М., 1982. – С. 97–110.

⁸ Петров-Стромский В.Ф. Три эстетики европейского искусства // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 156.

Разумеется, всеобщность традиций не означает их стационарности. Неизбежные изменения традиций, в особенности революционные, как, например, при переходе от матриархата к патриархату, а также их заметные различия у общин, населяющих удаленные территории Ойкумены, сеяли сомнения в их (традиций) незыблемости и священности, инициировали их осознание. В основных пунктах последнее сходно с осознанием паттернов, хотя, вероятно, хронологически следует за ним.

Опредмечивание традиции в сакральных знаках, украшениях, одежде, различных изделиях, ее *олицетворение* в вожде, старейшине, шамане, умение "прочитать" ее содержание в указанных вещах, а также жестах, танцах, расцветке и т. п., утверждение ее вербальной трансляции – все это свидетельства нарастания осознаваемых и сознательных элементов во внутреннем содержании традиции. В силу усложнения последней ее усвоение и следование ей чем далее, тем более требует умножения сознательных действий, формируя тем самым духовные предпосылки ее *сознательного изменения*. Вероятно, элементы такового присутствуют уже в кровнородственной общине, в условиях самоуправления и военной демократии, но являются спорадическими, ситуативными и бессистемными. Регулярным же оно становится в преднеолитическую и неолитическую эпоху и связано со многими обстоятельствами, в том числе с утверждением власти экономически сильных членов территориальной общины, осознанием ими своих особых экономических интересов и естественным стремлением к формированию протоинституциональных механизмов их легитимации, защиты, одним словом, реализации.

Институциональный контекст неолитического разделения жизнедеятельности

Одной из причин неолитической революции Н.Моисеев считает несоответствие норм нравственности открывающимся техническим возможностям, обретенным человеком. С помощью изобретенного метательного оружия став монополистом в мире живого, человек довольно быстро уничтожил всех крупно-копытных и мамонтов – основу своего пищевого рациона, и оказался в условиях жесточайшего ресурсного кризиса⁹. Неолитическая революция, таким образом, стала необходимым *нравственным* ответом человека на вызовы собственного технического гения, поставившего самого человека на грань выживания.

Фактически сформулированная Н.Моисеевым идея *техно-гуманитарно-экологического баланса* является безусловно плодотворной. Становится, в частности, понятным, что поиск адекватных форм движения неклассического противоречия между технологически результативными *паттернами*, общественными *институтами* и *природными законами* суть вечный крест и дамоклов меч человека. В развивающемся обществе институционально-технологические разрывы – дело обычное. Вероятно, величина общественных издержек их преодоления, своеобразная плата за прогресс, обратно пропорциональна затратам на поиск и творение институциональных инноваций, адекватных технологическим.

Разумеется, упомянутый баланс отнюдь не появляется внезапно и ниоткуда. Крупнейшие известные неолитические сдвиги – переход от присваивающего к воспроизводящему хозяйству, скотоводству и земледелию, появление первых искусственных биоценозов, разнообразных ремесел, заложение основ частной собственности и элементов будущего государственного устройства, утверждение регулярного и систематического торгового обмена –

⁹ См.: Моисеев Н.Н. Системная организация биосферы и концепция ко эволюции // Общественные науки и современность. – 2000. – № 2. – С. 127.

были подготовлены всей предшествующей эволюцией. Длительное время они вызревали в присваивающем хозяйстве, пребывая в латентном, ведомом состоянии, в границах его базовых протоинститутов.

С другой стороны, не исключено, что именно благодаря столь драматическому излому эпох указанные сдвиги стали зримыми для потомков, чье историческое видение, кстати, в известной мере задано современными им реалиями. Поэтому вполне вероятно, что еще не все неолитические достижения и провалы обнаружены и человечество ждет новые открытия.

Неолитическая революция действительно "посрамила" протоинституты собирательства и охотничьего хозяйства, обнажила их ограниченность и пределы, сбросила с "пьедестала". Но утверждение о сопутствующем ей институциональном вакууме было бы не корректным. Во-первых, люди не перестали охотиться или использовать дары природы, а потому и востребованность соответствующих институтов не исчезла. К тому же их общечеловеческая составляющая ("не убий", "не укради" и т. п.) оказалась незыблемой, иначе была бы утрачена преемственность человеческого развития.

Во-вторых, указанные протоинституты оказались нежизнеспособными не вообще, не абсолютно, а в сравнении с уже родившимися, но еще не зрелыми институтами. Очевидно, последние катализировали революционный перелом. Вполне вероятно и иное. Определенное изменение ряда протоинститутов создало для него некоторые необходимые предпосылки. Это изменение было не достаточным для предотвращения глобального институционально-технического дисбаланса, но необходимым для его последующего восстановления. В-третьих, революционные сдвиги, в свою очередь, существенно ускорили трансформацию донеолитических протоинститутов, "взросление" новых институтов, становление *институциональной* универсумики.

Субстанционально неолитическая революция связана с самоутверждением жизнедеятельности на собственных деятельностных основаниях. Его наиболее характерные признаки хорошо известны – разделение труда и постоянное, систематическое производство прибавочного продукта. Имеются достаточно обширные сведения об их взаимосвязях, а также о первых трех крупных этапах разделения труда. В частности, признается, что именно последнее обеспечило производство прибавочного продукта и, в свою очередь, было катализировано им. Менее разработан *деятельностный* контекст неолитических сдвигов, что неизбежно сказывается на качестве осмысления их институциональной составляющей. Если исследование изначально ограничивается сферой материального производства, то откуда берутся институты? Упускается возможность взглянуть на "новорожденные" виды деятельности в их, так сказать, первоначальном состоянии, без многочисленных "одежд", в которые они облачились позже.

Вся история протожизнедеятельности убедительно свидетельствует, что сознательное и целенаправленное воздействие человека на природу и на самого себя являются не столько последовательными, следующими друг за другом процессами, сколько параллельными и взаимообусловленными. Поэтому и жизнедеятельность с момента своего рождения предстает *опредмечивающе-очеловечивающей*. Относительное обособление этих составляющих, утверждение их специфического содержания и особых форм является важнейшим, базовым неолитическим сдвигом. Выражаясь философским языком, именно благодаря этому двуединству жизнедеятельность узнает себя в себе, отличает себя от поведения животных и таким образом переходит из состояния "в себе" в состояние "для себя".

Опредмечивание (в более привычной трактовке – экономическая деятельность) в трех своих первоначальных конкретных видах – скотоводстве, земледелии и ремесле – является, прежде всего, *искусственным* в том смысле

ле, что, опираясь на природный потенциал, создает продукты, неведомые природе, а потому и не подчиняющиеся природным законам в той же степени, что и творения природы. В ремесле искусственно-опредмечивание выражено наиболее определенно – искусственные продукты создаются искусственными орудиями.

В известном смысле оборотной стороной искусственно-опредмечивания выступает естественно-опредмечивание: создавая искусственную природу, человек преобразует природу естественную. Каким бы ни был созданный биоценоз, он все же остается биоценозом, а не, к примеру, социо- или этноценозом. Янус опредмечивания был изначально двуликим. И в том, что многие столетия он повернут к человеку лишь одним, выгодным человеку ликом, в том, что нарушение баланса искусственного и естественного опредмечивания стало традицией, повинна отнюдь не природа.

Разделение опредмечивания есть разделение его субъектов, предметов, орудий, технологий, операций, действий, продуктов и, конечно, паттернов как простейших *собственно наноинститутов*¹⁰. Именно носители последних выступили активными субъектами отбора из многочисленных протоинститутов адекватных себе и соответствующему виду опредмечивания. Сознательно сотворенные наноинституты стали основанием и предпосылкой сознательного выбора и изменения протоинститутов, создания институтов. Это, в частности, означает, что любое нарушение институционально-технического баланса содержит в себе институциональные предпосылки его восстановления в новом качестве. Далеко не все протоинституты, а в дальнейшем – институты, становятся невостребованными. Большинство из них трансформируется и "ранжируется" по камертону новых институтов. Происходит не низвержение родившейся в неолите институциональной универсумики, а ее трансформация, что и обеспечивает преемственность эволюции человечества на фоне революционных взрывов, ломок старых и рождения новых институциональных архитектур.

Разумеется, скотоводство и земледелие более консервативны, чем ремесло. В непосредственном окружении природы и в условиях значительной зависимости от природного цикла вполне естественным является доминирование протоинститутов, традиционалистских, символических форм над сознательно-практическими паттернами. Природная, биосоставляющая человека здесь не менее значима, чем социальная, ибо позволяет ему вести диалог с природой, в известном смысле, "на одном языке". Видимо, в том числе и этим объясняется историческая задержка вызревания институтов частной собственности на землю в сравнении с иными орудиями труда.

В зарождающихся городских поселениях начинают преобладать ремесло и торговля. Непосредственным окружением человека становится искусственная природа, во многом не подвластная донеолитическим традициям. Умножающиеся и усложняющиеся "городские" виды жизнедеятельности все более удаляются "...от некогда породившего их культово-мифологического центра. Более того – и культ, и миф сами начинают выражаться и осмысляться главным образом через свои опосредованно рациональные формы – через тексты, заповеди, систематизированные учения и комментарии к ним"¹¹, то есть через процесс и результаты собственно деятельности. Ремесло и торговля менее подвержены природному ритму и влиянию, они являются гораздо более "искусственными", нежели скотоводство и земледелие, их орудия по своему материально-вещественному содержанию более адекватны

¹⁰ Каждый из указанных моментов разделения опредмечивания требует самостоятельного рассмотрения. В дальнейшем эта задача будет решена лишь отчасти.

¹¹ См.: *Петров-Стромский В.Ф.* Три эстетики европейского искусства. – С. 160–161.

частному присвоению, чем земля, а потому объективно требуют иных, "искусственных" способов упорядочения, выходящих за пределы системы паттернов. Очевидно, что творение таких способов не под силу одному лишь опредмечиванию и не может быть объяснено в его пределах.

На фоне признания грандиозности первых трех этапов разделения труда как опредмечивания относительно недооцененным экономистами оказался подобный процесс в очеловечивании. Рассмотрение последнего всего лишь как момента опредмечивания, вероятно, соответствовало известному этапу индустриализма, когда человек выполнял роль придатка машины. Но сделанные на этом онтологическом основании научные выводы неоправданно абсолютизируются, в том числе в виде признания их "эталонности" для эволюции человечества в целом. На мой взгляд, анализ неолитических сдвигов обнажает хотя и известный, но менее познанный исторический факт диалектической взаимообусловленности опредмечивания и очеловечивания как единства противоположностей человеческой жизнедеятельности. Наиболее общей формой движения их противоречия является нарушение и восстановление их исторически определенного баланса.

В соответствии с таким образом намеченной гипотезой *баланса опредмечивания-очеловечивания* изменения одной из его сторон неизбежно повлекут за собой изменения другой. Следовательно, крупные этапы разделения опредмечивания не могли не сопровождаться адекватными изменениями очеловечивания. И если таковые в рамках экономической науки четко не обозначены, то нужно выйти за эти рамки. Историческая наука, например, не оставляет сомнений в том, что неолитическая эпоха является и эпохой крупного *разделения очеловечивания*. В последнем достаточно определенно выделяются общественно- (социо-) очеловечивающая и биоочеловечивающая составляющие, а в каждой из них – соответствующие конкретные виды. Так, в общественном очеловечивании обнаруживаются духовная, политическая и социальная составляющие¹².

В духовной жизнедеятельности активно обособляются письменность, изобразительное искусство, художественное ремесло, архитектура. Так, письменность и изобразительное искусство, возникнув как сакральные культовые акты воспроизведения и закрепления образов священного смысла, в условиях неолитической революции выявили широкие самостоятельные возможности, став уникальным способом отчуждения процессов творчества, сознания и мышления от живого, единого культа. Исторические и письменные тексты стали важным историческим шагом по пути логического упорядочения и рационализации языка и мышления, поскольку само их создание и восприятие предполагает формирование (сначала неявное, "имплицитное") определенных правил логики, грамматики, синтаксиса и стилистики¹³, иными словами, совокупности особых паттернов, отличных от паттернов опредмечивания по форме и содержанию, но сходных по родовым признакам. В связи с этим, на мой взгляд, вполне уместно следующее обобщение: возникновение и развитие особой системы паттернов как сознательно сконструированных наноинститутов является свидетельством, необходимым условием и составляющей выделения и закрепления соответствующего вида жизнедеятельности, одним из способов его упорядочения.

¹² Ритуальные танцы и движения, охота и обучение ее приемам, практика разделки туш убитых животных и тому подобные поведенческие и преддательностные акты стали необходимыми историческими предпосылками рождения в неолите прообразов будущих медицины, физической культуры и спорта как более конкретных видов биоочеловечивания.

¹³ См.: Там же. – С. 160.

В отличие от опредмечивания, всеобщим и непосредственным средством, предметом и продуктом очеловечивания становится сам человек, его сущностные силы. Материальные же феномены (перо, кисть, картина, культовый центр и т. п.) играют лишь вспомогательную роль и представляют процесс опосредованного опредмечивания в рамках непосредственного очеловечивания. Это становится очевидным на примере духовной деятельности. Поражающие воображение своими величественными *материальными* формами культовые и ритуальные центры все же не потребляются в качестве пищи, одежды или жилья, а являются материализованными духовными орудиями воздействия на человека.

Указанные родовые признаки в такой же мере имманентны политической и социальной жизнедеятельности. В современных условиях они по-разному определяются социологами, политологами, философами, экономистами. Это и понятно. Будучи наблюдаемыми из разных "точек" с помощью разных "приборов видения", они как сложные феномены открываются различным "наблюдателям" своими разными сторонами. Но, вероятно, некоторые *субстанциональные качества* они обретают в период рождения и взросления.

В неолитическую эпоху существенно интенсифицируются рост и расширение общины, межобщинные контакты и взаимодействия, поиск и реализация нетрадиционных способов ведения общественных дел, аккумуляции и распределения прибавочного продукта в интересах общины. На мой взгляд, представленная в этих конкретных формах (действиях) деятельность является *политической – собственно, непосредственно общественной*, упорядочивающей жизнедеятельность той или иной общности как *целостности, тотальности*. С усложнением социальной структуры последней важной формой политической деятельности становится согласование, оптимизация действий и интересов различных социальных образований, объединенных в данную общность тем или иным образом (мирным или насильственным).

Социальная же деятельность, видимо, изначально "ответственна" за формирование указанных социальных образований (каст, слоев, групп, страт, классов) и упорядочение жизнедеятельности каждого из них. Ее сложность и многообразие адекватны процессам социальной стратификации по многим направлениям – имущественному, демографическому, этническому, религиозному и т. п. Но в любом своем "обличье" она становится политической лишь в той мере и постольку, в какой мере и поскольку отвечает интересам и целям, упорядочению жизнедеятельности общности как целого. В противном случае деятельность тех или иных *социальных* субъектов (принадлежащих к соответствующему социальному образованию) является не политической, а в отдельных случаях – аполитичной.

Указанные родовые признаки политической и социальной деятельности – важный критерий их разграничения в современных условиях, когда обычным делом являются небезуспешные попытки отдельных социальных групп представить собственную узкосоциальную деятельность как политическую со всеми вытекающими отсюда негативными общественными последствиями. Впрочем, в равной мере не желательны как чрезмерная политизация социальной деятельности и чрезмерная социализация деятельности политической, так и недооценка политической направленности социальной деятельности и социального контекста деятельности политической.

Разумеется, находясь в онтологических координатах неолитической революции, основное внимание необходимо сосредоточить не на позднейших, более развитых, а на "младенческих" видах очеловечивания. На мой взгляд, важным, знаковым неолитическим сдвигом стало рождение и становление

*институциональной деятельности*¹⁴. О ее зародышевом состоянии в протоинституциональную эпоху свидетельствует появление ее первых незрелых продуктов – паттернов, включенных в цепочки инстинктивных реакций.

В последующем ее содержание усложняется: более развитые паттерны становятся доминирующими по отношению к поведенческим актам, существующие протоинституты начинают осознанно изменяться. Но, вероятно, момент ее *рождения* следует считать началом сознательного творения *собственно институтов как определенных порядков, а потому и способов упорядочения жизнедеятельности* той или иной *общности*, прежде всего, *общины*.

Рождение институциональной деятельности является объективным следствием и результатом разделения человеческой жизнедеятельности, нарастания значимости в последней рукотворной, искусственной природы, не подверженной в потребной степени протоинституциональному упорядочению, а также обострения противоречия между нарастающим динамизмом человеческой деятельности и известной консервативностью наличной протоинституциональной универсумики. Изначально институциональная деятельность стала важным элементом движения указанного противоречия, неизбежной спутницей и опосредованного очеловечивания в рамках опредмечивания, и непосредственного очеловечивания в рамках очеловечивания, ибо ни то, ни другое уже не могло прогрессировать в протоинституциональном пространстве, лишенном собственно институтов. Вероятно, первоначально ее субъектами были и скотоводы, и земледельцы, и ремесленники, и старейшины, одним словом, в той или иной мере практически все члены общины. Но по мере углубления разделения жизнедеятельности, усложнения самой институциональной деятельности круг субъектов ее зрелых форм сужался, причем, возможно, уже в неолите происходит определенное закрепление ее отдельных функций за вождями, старейшинами, шаманами и другими "нерядовыми" членами общностей – в полном соответствии с закономерностями разделения жизнедеятельности.

Стратификация, присвоение и обмен в институциональном измерении

Устойчивое закрепление различных видов жизнедеятельности за отдельными людьми и их общностями является основой двуединого *социального* процесса – стратификации и укрупнения общностей. На первый взгляд, это противоречит тому признанному факту, что именно в неолите складывается многообразие культурных и антропологических типов и соответствующих им общностей с особыми протоинститутами и институтами, то есть наличие не экономические, а природно-культурные основания стратификации. С позиций узкоэкономического понимания жизнедеятельности противоречие действительно существует. Но оно становится мнимым, виртуальным, как только мы покидаем "гавань" экономического детерминизма.

Есть немало исторических свидетельств тому, что разнообразие антропологические и культурные *типы* расселяющихся по Земле и расширяющих границы Ойкумены людей стали складываться задолго до неолита. Природа наложила на человека неизгладимый отпечаток, и кровнородственная община так или иначе эволюционировала в этническом направлении. В неолитическую эпоху этнические основания общин стали более зрелыми, а потому и зримыми. В отличие от протоинституциональной неосознанности предыдущих эпох, родившаяся в неолите очеловечивающая деятельность, с

¹⁴ Здесь акцентируется внимание на содержании видов *деятельности* – духовной, политической, социальной, институциональной. Однако *жизнедеятельностный* контекст исследования, безусловно, сохранен.

одной стороны, не могла не обрести специфические черты в особом этническом пространстве различных общин, а с другой – детерминировала осознание и сознательное институциональное закрепление этнических особенностей, коллективное самоутверждение общин через понимание своей этнической особенности, непохожести на иные общины.

Углубление разделения очеловечивающей деятельности различных общин идет "рука об руку" с углублением их социальных различий. В то же время специфика очеловечивания определяет и определяется спецификой опредмечивания. Например, населяющие север Африки, территории современных Китая и Италии общины в силу различных природных и институциональных условий не могли выращивать одни и те же злаки, выпасать один и тот же скот, изготавливать одинаковые ремесленные изделия. Особенности опредмечивания не могли не отражаться на содержании и характере очеловечивания: различные виды опредмечивания требуют особой соответствующей сноровки, умений, навыков, а потому – соответствующей предварительной подготовки. Таким образом, подтверждается взаимообусловленность опредмечивания и очеловечивания, а следовательно, и их институциональных составляющих. На языке современных реалий это, в частности, означает, что во избежание глубоких институциональных разрывов институциональные реформы различных сфер общественной жизни (экономической, духовной, социальной, политической) должны быть взаимоположными, а соответствующие реформированные или новые институты – совместимыми и коммуникативными.

Нарастание различий между общностями (и городскими, и сельскими) коррелирует с ускорением стратификации внутри них. Происходит своеобразное наложение традиционной стратификации по сакрализованным должности и статусу на активную профессиональную, имущественную и иную нетрадиционную (например, появление военных "трофеев" – рабов и иных неполноправных, то есть не членов общности), в результате чего рождаются разнообразные социальные комбинации. В ряде случаев статусная и должностная элита, используя преимущества своего традиционного особого положения, рано или поздно присваивает значительную часть прибавочного продукта и таким образом становится катализатором имущественного расслоения. Нередко последнее возникает в результате роста богатства более профессиональных, удачливых в скотоводстве, земледелии или ремесле семей, то есть является результатом профессиональной стратификации. Иногда "имущественной" элитой становятся военачальники или даже рядовые воины, сумев нажиться грабежом. В любом случае социальная стратификация ведет к углублению социального неравенства.

Вероятно, первоначально последнее неантагонистично, поскольку традиции эгалитарности и общинной демократии достаточно живучи, все еще высока социальная мобильность, питаемая традициями примитивной перемены протожизнедеятельности, а ограничения для получения определенного статуса непрочны (новым вождем, например, далеко не всегда становится сын умершего даже там, где сложились традиции наследования) и не обязательно ведут к ограничению доступа к наиболее важным ресурсам¹⁵. Однако в любом случае протоинституты эгалитарности перестают отвечать потребностям нарастающей социальной стратификации и неравенства. Подчиняясь неумолимой логике исторической эволюции, а также собственным потребностям и интересам, социальные страты или группы становятся коллективными субъектами социально-политико-институциональной деятельности – транс-

¹⁵ См. подробнее: *Гринин Л.Е.* Генезис государства как составная часть процесса перехода от первобытности к цивилизации // *Философия и общество.* – 2002. – № 2. – С. 14–23.

формации традиций и сознательного творения *микроинститутов*, призванных упорядочивать жизнедеятельность данной конкретной группы, отличать ее от других, и соответствующих им *мезоинститутов*, которые, по замыслу их творцов, должны были бы обеспечить потребную им (творцам) жизнедеятельность общности в целом¹⁶. Вероятно, собственно политические институты первоначально, в условиях безусловного доминирования эгалитарности, формируются непосредственно, а позднее становятся результатом взаимодействия микроинститутов различных социальных групп.

Соответствующим образом усложняется институциональная универсумика. Ее неотъемлемой составляющей становятся различные взаимосвязи между постепенно систематизирующимися микроинститутами, между мезоинститутами и микроинститутами. Иными словами, рождаются многочисленные *простые комплексы* институтов и их взаимосвязей. Характер институтов (нормативные, запрещающие, обязывающие и т. д.) и их взаимосвязей (генерационные, сукцессионные, симбиотические и т. д.) не может быть умозрительным и требует тщательных конкретно-исторических исследований.

Сознательная трансформация протоинститутов и формирование собственно институтов, во-первых, существенно улучшили возможность *укрупнения* общностей, которое осуществлялось ранее и продолжалось в неолите преимущественно на этнической основе (например, объединение этнически близких общин), а во-вторых, сыграли роль катализаторов роста их *многообразия*. Важнейшим результатом неолитической революции стало образование достаточно крупных и сложноорганизованных многообразных самоуправляющихся территорий и общин, племенных союзов и "конфедераций", вождей и иных образований, которые, оставаясь догосударственными и/или негосударственными, демонстрируют рождение и вызревание *протогосударственных* качеств.

Речь идет не только о первых признаках известной триады – элементах территориальности, протоналогах (в виде дани, подарков, гостеваний и т. п.) и зародышах бюрократического аппарата. Сознательное институтообразование становится, хотя пока и не профессиональным, но все более регулярным и систематичным, на фоне социальной стратификации все четче выделяются высший, элитарный и низший слои, появляются признаки управленческой деятельности и идеологии. Власть как *подчинение* и господство, оставаясь преимущественно протоинституциональной, то есть основанной на традициях, и деперсонифицированной, начинает шаг за шагом присваиваться укрепляющейся элите, персонифицироваться и обретать черты осознанного и не традиционного принуждения, появляются признаки будущего сращивания власти и собственности.

Прогрессирующее разделение жизнедеятельности детерминирует усложнение процессов присвоения. В результате социальной стратификации появляются его новые многочисленные реальные либо формальные *субъекты*, а условия, процесс, средства и результаты каждого вновь возникшего вида жизнедеятельности становятся *объектами* соответствующих видов присвоения. Разделение жизнедеятельности, социальная стратификация и присвоение взаимоположны, а потому известное положение о возникновении в период неолитической революции основ частной собственности должно не абсолютизироваться, а подвергнуться дополнительному осмыслению.

Прежде всего, в неолите стали более определенными наметившиеся ранее различия во взаимосвязанных процессах присвоения в опредмечивании и очеловечивании. В эпоху господства первичной перемены протожизне-

¹⁶ Очевидно, сознательное творение микро- и мезоинститутов не могло не опираться на соответствующие микро- и мезопротоинституты.

деятельности и появления начальных форм разделения последней примитивное индивидуальное и личное присвоение было вплетено в контекст коллективного и определялось им. В последующем обособление видов опредмечивания сопровождалось укреплением позиций так называемой обособленной собственности, содержанием которой, на мой взгляд, является "существование" и взаимодополнение личного пользования и даже владения и коллективного распоряжения средствами и результатами опредмечивания. Неустойчивому, в известном смысле, спорадическому *обособлению* видов опредмечивания соответствует *относительное экономическое обособление* больших и малых семей, освоение ими таких (пока еще не развитых) составляющих присвоения, как пользование и владение. Устойчивое, постоянное и систематическое обособление видов опредмечивания в эпоху неолита сопровождается постепенным усилением экономического обособления и обретения им все более завершенных форм. Процесс трансформации личного присвоения в частное ускоряется, но остается неравномерным.

Частное присвоение орудий труда и продуктов как результатов их применения утверждается ранее всего. Во-первых, по своему материально-вещественному содержанию они в большей мере адекватны ему, чем земля. В условиях устойчивого разделения жизнедеятельности присвоение орудия одним ремесленником означает неизбежное отчуждение от другого. Отдавая свои инструменты другому, он рискует остаться без средств существования. Во-вторых, характер использования донеолитических и неолитических орудий труда, то есть их освоения в процессе опредмечивания, тяготел к преимущественно индивидуальному (семейному). В-третьих, примениться к данному орудью, овладеть соответствующими навыками, умениями, сноровкой было, конечно, сложно, но все же гораздо проще, чем так же успешно примениться к земле – сложнейшему из всех известных к тому времени человеку орудий и предметов труда.

В-четвертых, частной собственности на орудия труда сравнительно несложно было получить институциональное санкционирование, поскольку господствовавший длительное время порядок нахождения орудий в личном пользовании и владении фактически был закреплен протоинституционально.

И все же без "перерыва постепенности" не обошлось. Частное присвоение заявляет о себе как о независимом, самодостаточном, никем, кроме его субъекта, не определяемом процессе. Оно не нуждается, в отличие от личного, в присвоении коллективном. Частный собственник – сам себе царь и бог. Отсюда и стремление к творению *самоинститутов* как способов упорядочения собственной жизнедеятельности. Если самоинституты личного собственника в той или иной мере гармонизировали с мезоинститутами, то самоинституты частного собственника заявляют претензии на доминирование.

В силу указанных обстоятельств индивидуально-коллективное присвоение орудий труда интенсивно вытесняется, а частное присвоение земли существенно запаздывает. Вероятно, в неолите продолжается дробление больших семей, укрепление обособленной собственности и формирование соответствующих предпосылок частной собственности на землю.

В этот же период, с одной стороны, четче обозначились наметившиеся ранее тенденции присвоения в очеловечивании, а с другой – наметились новые. Первоначально индивидуально-коллективный характер присвоения очеловеченных сущностных сил мог напрямую связываться с их примитивным содержанием (по аналогии с примитивными орудиями труда): первобытная перемена протожизнедеятельности делала возможным и необходимым их соприсвоение посредством механизмов подражания и примитивного обучения. В неолите очеловеченные сущностные силы стали развитыми в такой степени, что, с одной стороны, уже обнаружили принципиальное

несоответствие собственного содержания частному характеру присвоения. Стало достаточно очевидным¹⁷, что их *присвоение не сопровождается отчуждением* в силу не столько их простоты, сколько принципиально отличного от привычных орудий труда содержания в купе с соответствующими невербальными и вербальными механизмами трансляции и "по горизонтали" – в пределах одного поколения, и "по вертикали" – от поколения к поколению.

С другой стороны, дифференциация видов очеловечивания, сопровождавшаяся соответствующей социальной стратификацией и дифференциацией очеловеченных сущностных сил, не могла не вызвать различий в присвоении последних. Вероятно, "общечеловеческие" сущностные силы, вошедшие в себя в том числе базовые, исторически "отшлифованные" протоинституты и институты (например, прообразы будущих моральных норм), обнаружили тенденцию к индивидуально-общественному (коллективному) присвоению¹⁸. Сущностные силы, имманентные представителям той или иной социальной группы, стали тяготеть к индивидуально-групповому присвоению. Сущностные силы, обретаемые в результате специализированного распределения орудий и предметов труда в процессе опредмечивания, первоначально становятся объектом личного присвоения, но, обладая способностью присвоения без отчуждения, потенциально являются объектами группового присвоения (прежде всего, в пределах данной профессиональной группы). Очевидно, последнее утверждение верно и для специализированных сущностных сил, обретаемых в процессе очеловечивания.

Если принять во внимание, что институты, в том числе паттерны, *очеловечиваются*, становятся неотъемлемой *составляющей сущностных человеческих сил*, то характер присвоения первых практически не отличается от характера присвоения последних. Микроинститутам адекватно индивидуально-групповое присвоение, мезоинститутам – индивидуально-коллективное, а нано- и самоинститутам – преимущественно личное с потенциальной перспективой индивидуально-группового (коллективного)¹⁹. Но как быть в случае, если формальные институты отторгаются, не очеловечиваются? Объясним ли этот довольно часто встречающийся феномен в категориях "присвоение – отчуждение"? На мой взгляд, имеющиеся исторические материалы, относящиеся к неолитической революции, достаточны только для постановки данной проблемы.

Неолитическая эпоха не дает убедительных примеров частного присвоения очеловеченных сущностных сил и институтов. В связи с этим обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, известное несоответствие характера присвоения орудий труда (частное) и присвоения необходимых для их применения очеловеченных сущностных сил (личное),

¹⁷ Напомним, что общественная, в том числе институциональная эволюция изучается здесь с позиций современных научных реалий.

¹⁸ Здесь уместна оговорка. Необходимым условием упомянутого индивидуально-общественного присвоения является определенный уровень самоосознания и самоорганизации *общества*, осознание названных базовых институтов *общественными*. Разумеется, такие условия складываются позднее неолита. В неолите же такой характер присвоения *непосредственно* реализуется в рамках общины и потому может считаться индивидуально-коллективным.

¹⁹ Мера условности различения индивидуально-группового и индивидуально-коллективного присвоения определяется известной условностью различий группы и коллектива. В данной работе предполагается, что в иерархии человеческих общностей коллектив обладает более значимым статусом. В частности, если для группы характерны в большей мере *сходные*, чем *совместные* условия, процесс, орудия, предметы и результаты жизнедеятельности, то для коллектива – в большей мере *совместные*, чем *сходные*.

что, вероятно, является одной из причин нарушений исторического баланса опредмечивания-очеловечивания. Во-вторых, личное присвоение некоторых орудий труда сохраняется; в свою очередь, частное присвоение обнаруживает возможности экспансии на нематериальные блага – результаты "материализации" очеловеченных сущностных сил (например, предметы культа), а также непосредственно на людей (рабов).

Хотя в неолитическую эпоху частное присвоение не стало господствующим, оно существенно ускорило развитие обмена продуктами. Торговля становится особым видом жизнедеятельности, множатся ряды профессиональных купцов, формируются соответствующие особые институты. "Постоянное повторение обмена, – писал К.Маркс, – делает его регулярным общественным процессом. Поэтому с течением времени по крайней мере часть продуктов труда начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. С этого момента, с одной стороны, закрепляется разделение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена... С другой стороны, то количественное отношение, в котором обмениваются вещи, делается зависимым от самого их производства. Привычка фиксирует их как стоимостные величины"²⁰. Появляются первичные деньги. Возникают "обменная" форма эксплуатации как результат неэквивалентного обмена и "распределительная" форма – прямое следствие рождающегося редистрибутивного распределения прибавочного продукта. Указанные процессы относятся к процессам опредмечивания. Но выходящее далеко за их рамки содержание неолитической революции позволяет изучать обмен продуктами опредмечивания не изолированно от иных процессов, а в контексте жизнедеятельности в целом, ее разделения, *обмена опредмеченных и очеловеченных сущностных человеческих сил*.

Известная точка зрения на прибавочный продукт как основу существования очеловечивания (нематериального производства) не вызывает возражений в том смысле, что в эпоху разделения жизнедеятельности субъекты очеловечивания непосредственно не участвуют в производстве тех продуктов, которые потребляют в качестве еды, одежды или жилища. Но совершенно очевидно и другое. Прибавочный продукт не мог возникнуть вне трудовых усилий. Необходимой предпосылкой его производства явилось накопление соответствующих дополнительных, "прибавочных" очеловеченных сущностных сил. Из взаимоположности опредмечивания и очеловечивания непосредственно следует взаимоположность дополнительных очеловеченных сущностных сил, воплощенных в человеке, и дополнительных опредмеченных сущностных человеческих сил, материализованных в прибавочном продукте. Это означает, что уже, к примеру, старейшины или шаманы ни в коей мере не состояли "на содержании" у общины. Они обменивали накопленные ими сущностные силы, в том числе в виде протоинститутов, на продукты опредмечивания²¹.

Итак, с развитием разделения жизнедеятельности масштабы обмена ею возрастают, а в нем самом уже достаточно очевидны три взаимосвязанных составляющих: 1) обмен между опредмечиванием и очеловечиванием²²,

²⁰ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. – Соч., 2-е изд. – Т. 23. – С. 98.

²¹ Точно так же и современные врачи, преподаватели, ученые и другие работники так называемой непроизводственной, то есть нематериальной сферы являются равноправными участниками обмена сущностными человеческими силами.

²² Об основаниях такого обмена пока можно лишь строить различные предположения. Возможно, таковым является принцип эквивалентности обмениваемых сущностных человеческих сил. Тогда принцип эквивалентного обмена *товаров* является его частным случаем.

а в его рамках – обмен опредмеченных и очеловеченных сущностных сил, в том числе опредмеченных сил и институтов; 2) обмен между различными видами опредмечивания, обмен продуктами труда, то есть товарами; 3) обмен между различными видами очеловечивания, в его рамках – обмен очеловеченными сущностными силами, в том числе институтами и протоинститутами. Так, убедительно доказаны многочисленные факты обмена между общинами не только товарами, но и паттернами (например, способами обработки различного сырья)²³. Разумеется, степень зрелости указанных составляющих нельзя переоценивать. Каким бы взрослым ни казался ребенок, он все же остается ребенком.

Таким образом, несмотря на столь захватывающий контекст, каковым является неолитическая революция (а может быть, благодаря ему), институциональные изменения выглядят впечатляюще. Родившаяся институциональная деятельность активно интегрируется с протоинституциональной составляющей человеческого поведения и образует институциональную жизнедеятельность (см. рисунок). Содержанием последней становится осознанная трансформация протоинститутов, сознательное творение собственно институтов, отбор необходимых собственно институтов и протоинститутов, их интеграция, а важнейшим результатом – **институты как противоречивое единство инстинктивной, протоинституциональной и собственно институциональной составляющих**. Хотя протоинституциональное упорядочение жизнедеятельности остается доминирующим, упорядочивающая роль институтов возрастает.

Институциональная деятельность проникает во все "поры" разделяющей жизнедеятельности и стратифицирующейся общины, выступает активной детерминантой образования институтов опредмечивания и очеловечивания в целом и их видов (соответственно институтов земледелия, скотоводства, ремесла, торговли; духовного, политического, социального очеловечивания), а также нано-, само-, микро- и мезоинститутов. В некоторых из них под ее влиянием вызревают протогосударственные качества. Реальностью становится индивидуально-групповое, индивидуально-коллективное (общественное) и личное присвоение институтов, а также институциональный обмен.

Указанные процессы взаимосвязаны и взаимообусловлены. Синергетическим эффектом их взаимодействия является рождение и первые шаги *институциональной универсумики*, которой еще только предстоит ассимилировать протоинституциональную универсумику в качестве своей составляющей. Вероятно, в неолите она представлена простыми комплексами институтов и их взаимосвязей. Подобным образом рождаются и институциональные архитектуроники расширяющихся и усложняющихся человеческих общностей.

Содержание, характер, результаты и направленность произошедших *качественных* институциональных изменений позволяют трактовать их совокупность как *институциональную революцию*. Она начинается и разворачивается в революционном неолите. Но завершается ли она с его окончанием?

²³ См.: Румянцев А.М. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство. – С. 118.